

УДК 130.2 (Философия культура. Системы культуры. Культурологические учения)

ВОПРОС О ПОДЛИННОСТИ В АРХИТЕКТОНИКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА

© 2019 В.Б. Малышев, Е.А. Тонкошкурова

*Малышев Владислав Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии. E-mail: vlmaly@yandex.ru
Тонкошкурова Екатерина Александровна, соискатель. E-mail: rtn3@rambler.ru*

Самарский государственный технический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 22.05.2019

Основная цель настоящего исследования понять, какова архитектоника подлинного в современном мире, понять не только на уровне социально-философских репрезентаций, но и выйти на уровень трансцендентальных оснований мультикультурного дискурса. Именно европейское воображаемое в его изначальности, на наш взгляд, проливает свет на решение вопроса о подлинности мультикультурного дискурса.

Ключевые слова: архитектоника подлинного, мультикультурный дискурс, симулякры, семантика подлинности.

Введение. Современный социальный дискурс становится полем преломления собственной идентификации человека и социальности, включающей в себя определенные идентичности. Поэтому сегодня особенно важным становится вопрос о подлинности как точке отсчета «собственного мира». Человек, поставленный в условия формирования собственной самопрезентации, поиска «самого себя», становится создателем и хозяином собственного подлинного мира. Социальный дискурс как поле созидательной деятельности человека становится способом поиска смыслов, понятий, категорий, к которым апеллирует человек. Поэтому в данной работе представляется необходимой постановка вопроса о подлинности как проблеме существования современного человека в современном обществе, в условиях, в которых сосуществуют знаковые проекции различных культур, этнических сообществ, способов индивидуального самовыражения. Наша *цель* понять, какова архитектоника подлинного в современном мире, понять не только на уровне социально-философских репрезентаций, но и выйти на уровень трансцендентальных оснований мультикультурного дискурса. Как возможен сам дискурс и как возможно подлинное существование его субъекта в пространстве человеческой культуры, как возможно существование различных Других в мире, где подлинность подвижна? И не является ли парадоксальным образом сам дискурс таким субъектом, подобно тому, что главным героем одноименного романа В. Гюго является сам «Собор парижской Богоматери»? Ведь как показал Льюис Кэрролл, персонажи, создаваемые в самом

дискурсе, порой более реальны, чем обыкновенные люди.

Всем известны дискуссии в современных массмедиа о культурах, которые необходимо защищать, о миграции, о многообразии мировой культуры человечества в целом, о проблемах взаимодействия различных культур, о проблемах ассимиляции и сегрегации, о многообразии самоопределения человека и самопредставления и т.п. Положение современного человека представляется таковым, что он тоже может быть не тем, кем он кажется, он также стоит перед выбором собственной самости, перед проблемой самоопределения, что в свою очередь влечет за собой изменение понимания развития его жизненного пути. «Альтернатива подлинности и неподлинности как онтологическая альтернатива по ту сторону реальных условий определяется тем, выбирает ли индивид себя самое, в абсолютно формальном, но имеющем значительные последствия смысле принадлежности себе самому» [2, с.129].

Рассуждая о подлинности сегодня, мы затрагиваем проблему симулякров, проникших в идентичность человека. Проблема современной этиологии подлинности в характере современной эпистемологии, поставившей во главу угла понятие симулякра, и актуализация ложной проекции вещей привела к затруднительной идентификации места разворачивания этого соответствия. И проблема эта выглядит следующим образом: «... нет первого предмета и последнего, есть равенство бытия, взаимообратимость онтологически первичного и вторичного» [6, с.22]. И действительно, как система текстов, практик их воспро-

изводства, распределения и рецепции, построенная на актуализации принципов равенства культур и групп, защиты их культурных особенностей в качестве основополагающего момента создания и функционирования современного общества дискурс мультикультурализма становится показательным для нашего исследования.

Методологически настоящее исследование строится с учетом положений фундаментальной онтологии М.Хайдеггера в их отношении к базовым презумпциям европейской метафизики и постметафизическим концепциям, данным в исторической перспективе, метаисторической семантике. М.Хайдеггер указывает, что когда латинское «*falsum*» эпохи раннего Средневековья проникает в немецкий язык, существенным становится корневая основа *fall*, «падение», что, в свою очередь, соответствует греческому *σφάλλω* – «обманывать». М.Хайдеггер более точным переводом этого слова считает «делать шатким», «колебать» [11, с.91]. По М.Хайдеггеру, греческое *ψεῦδος* также может означать обманывать, заставлять. По словарю же Вейсмана важны такие значения *ψεῦδος* как «вымышленный», «мнимый» [11, с.13-62]. Европейская метафизика создает некий вымышленный мир, проекции которого заставляют от человека сущее. Возникает сложный механизм метафизического опосредования первичной реальности. Нечто удерживается перед человеком, будучи при-ставленным к нему, и вводит его в заблуждение относительно действительности. Существо человека, словно маятник, раскачивается в пространстве между трансцендентным и эмпирическим, подлинным и неподлинным. Впав в это за-ставленное, человек ушел от истины бытия, «попал впросак», а затем «пал» [11, с. 91]. Для иллюстрации «падения» западной культуры для нас очень важен пример мультикультурализма. Так как онтологическая концепция М. Хайдеггера для нас является основополагающей, важное значение здесь имеет семантика подлинности в немецком языке. В интересующем нас смысле мы можем понимать нем. *eigentlich* как подлинный и *Eigentlichkeit* как подлинность, первоначальное состояние. Более широко спектр значений *eigentlich* – истинный, подлинный, первоначальный, прямой. Другой возможный перевод *eigentlich* – аутентичный, также «*eigen*» – собственный, принадлежащий кому-то, «*eigentum*», *Eigentlichkeit* – собственность [2, с.5].

Важной гипотезой настоящего исследования будет отнесение мультикультурализма к самому способу европейского мышления как к источнику дифференциального видения сущего. «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом

я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы. В основе моей трактовки комплексного культурного диалога, напротив, лежит не визуальная, а звуковая метафора» [3, с.1 – 28]. Как видим, в тексте С. Бенхабиб должное внимание уделяется семантике визуальной, а также звуковой репрезентации культурных особенностей. При этом не надо забывать, что крайности опасны, ведь необходимо должное соотношение между звуковым и визуальным кодами. Не менее важна здесь проблема Воображаемого. «Воображаемые границы между культурами – это не порожденные расстройством ума фантомы. Воображение так же способно направлять человеческие действия и поведение» [3, с.1 – 28]. Именно Воображаемое, на наш взгляд, проливает истинный свет на проблему подлинного источника мультикультурного дискурса.

Не сама ли это европейская культура в ее изначальности? Не те ли самые химеры европейского воображаемого подобно готическому окну-розе конституируют в своем поле «радужную» дискурсивную оптику? Каков он, этот «ужасный ребенок» европейской цивилизации, не породила ли она карикатуру на саму себя?

«Мозаичное» видение мира с его метафизической оптикой, на самом деле, дань «плоскостной» модели мировоззрения, не обладающей исторической глубиной. Конечно же, оптическая архитектоника и соответствующее понимание мира проигрывает перед архитектурой звука, как манифестацией подлинного.

Ответ на последний вопрос, был бы весьма репрезентативен, если бы мы рассмотрели феномен Нотр-Дама. Совершенно не беря в расчет эмпирические предпосылки пожара как исторического события, повлекшего уничтожение великого символа европейской культуры весной 2019 г., можно с полной уверенностью констатировать, что метафизически смысл этого события – крах, гибель цивилизации. Произошедшее ставит метафизическую точку в существовании западноевропейской цивилизации. Однако даже если факты культуры перестают существовать телесно, это не означает смерть способа мышления, которое их порождает. Можно предсказывать, что великое метафизическое «ничто» европейской культуры обретет новый смысл существования в арабских восточных культурных интенциях.

Возвращение к изначальности невозможно, зато множатся эрзацы и симулякры подлинного –

как инверсии, «карикатуры» на свой оригинал. Особо важным источником с точки зрения символического описания «нечеловеческих» архетипов европейской культуры является текст «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго. Образ героя романа, Квазимодо, может быть понят как метафора нечеловеческого, представленного в человеческом облике. Или наоборот, человеческого, представленного через нечеловечность «уродства», «отклонения». Имя Квазимодо, по латыни – *Quasi modo* можно перевести «нечто, вроде», «как будто», «как бы». По сути это может означать именно недооформленность образа живого существа, «слабость» формы, что так некогда ужасало Блаженного Августина и казалось ему нелепым [1]. Выбор этого образа в романе иллюстрирует средневековый принцип «вопреки природе». В романе есть три символических «вопреки»: прекрасная душа вопреки уродливой внешности, благочинность священнического сана вопреки натуре преступника и убийцы, возвышенность и красота собора вопреки окружающему низменному и подлому миру. Собор высится в окружающем «естественном» лабиринте мира, лабиринте городских улочек, как «лабиринт небесный», совершенный. Квазимодо предстает как некий мифологический персонаж, мистический хранитель Собора. Само его имя начинается со слов мессы: «*Quasi modo geniti infantes, alleluia...*». Согласно словарю Брокгауза-Эфрона, слово *Quasimodo* в католичестве метафорически обозначает «антипасху», следующую после пасхального воскресения. Гюго подчеркивает нечеловеческие черты образа Квазимодо. И даже если собора нет физически, череда своих *enfant terrible*, к которым надлежит проявлять толерантность и понимание всегда существует. Карнавальное шествие со всеми его странными участниками и ряженный в различные одежду Квазимодо никак не сможет изменить свой природный облик – в какие бы радужные тона не был обряжен.

Однако эти понимание и терпимость к Другому не должны уклониться от необходимости слушать себя – принадлежу (принадлежим) ли я (мы) себе, или в мелькании визуальных знаков современной культуры, всех этих «радужных» шествий забыта подлинность как исток истинной заботы о себе?

Заметим, что мы здесь говорим не о самом феномене мультикультурализма, а о мультикультурном дискурсе, его трансцендентальной оптике, том «взгляде-на-мир», который он продуцирует. Можно говорить о корнях европейского миро-

воззрения, но выражение «взгляд-на-мир» конституируется момент здесь-и-сейчас, существуя как участное мышление. Если дискурс мультикультурализма является некоей самодостаточной процессуальностью, создающей свою реальность, то каков статус такой реальности? Ведь базовая, задающая способ деятельности реальность в наше время – реальность массмедиа, реальность, порождающая симулякры. Такая реальность пересекается с мультикультурным дискурсом. Этот дискурс входит в нее и обретает в новой среде новые мутации, ибо любой химере в силу заложенных в ней изначально качеств свойственно существовать за счет трансформаций и мутаций. «Другой» и «граница» в той здесь исчезают в химерической дымке воображаемого и становятся «как будто», «нечто, вроде», «как бы». Представим себе, что границы размыты, а другой – это ты сам, что же тогда «свое», где же искать подлинность своего существования в расщепленной на отдельные сегменты реальности?

Наиболее репрезентативна в вопросе о подлинности семантика драгоценных камней. Настоящий драгоценный камень может стоить миллионы, тогда как стразу, имитации, подделке на него похожей цена один грош. Как правило, секрет подлинности куска бесценного минерала в комплексе качеств. Помимо чистоты камня онтологически важен блеск, чистота, игра цвета – так формируется динамическая архитектура подлинности [6]. Таким образом, возможность симуляции ценности камней коррелирует с их актуальным воплощением. «Как будто» бы рубин, «нечто, вроде» изумруда, «как бы» сапфир. Позволим себе провести аналогию с данным утверждением и говорить о возможностях социального дискурса современного общества и его реального воплощения; когда «быть по-другому» становится характеристикой и возможностью.

Именно дискурсивная природа современного общества показывает подлинное наиболее ярко. Все понятия и категории данных дискурсов являются нарративными, а далее и нормативными, и их подлинность трудно уловима в условиях подвижности точки отправления в начальных модулях формирования их смыслов. Так теоретики дискурса мультикультурализма апеллируют к общности в формировании «общих благ». То есть общность современных людей и различных культур, включенных в государственные границы, возможна через осуществление социальных практик, которые, в свою очередь, возможны через разговор. Таким образом, как говорит Ч. Тейлор,

общие блага возможны для установления только через разговор, т.е. в нашем совместном действии, ибо только в процедуре коллективного принятия решений возможна сопричастность и осуществление коллективной идентичности человеком: «... моя связь с этими людьми выражается в нашем участии в общем коллективном действии»[9]. Дискурс мультикультурализма представляет социальные практики как коллективные практики, из которых состоит наша жизнь. Они основаны на общепринятом понимании сущего. Так же и Макинтайр говорит о том, что осуществление современных социальных практик возможно через разговор, но разговор как нарратив каждого человека [10]. Ведь современная моральная аргументация в рациональном смысле не завершена, однако, и не должна быть завершённой: все моральные суждения есть выражение предпочтения, установки или чувства.

Таким образом, каким бы путем не шли теоретики, будь то формирование общности как целого благодаря солидарному согласию или разговору, или же благодаря диалектическому противоречию нарратива как формы вечного обсуждения и движения точки согласия, – подлинность в дискурсе превращается в движение аргументаций. Современное состояние культуры – пространство, где живут химеры воображаемого, как соединяющие несоединимое множества несоизмеримых вещей и понятий: «Иллюзорный цвет социальных симулякров будто деньги или бренды легко меняется. То, что было “ничем”, внезапно становится “всем”, ибо цветность симулякра порождает инстанция ничто» [6, с.17]. Другими словами, понятия, категории и другие симулякры данного дискурса перестают быть реальностью, становятся дискурсом с постоянно ускользающими данными. А медиапространство лишь усиливает эту тенденцию, гиперболизируя маневрирование «на границе» постмодернистской мысли, в рамках которой происходит преломление дискурса мультикультурализма. Проблема этой гиперболизации приводит к собственному осуществлению в условиях постоянной трансформации. И в данных условиях хотелось бы верить, что «Мир-трансформер – это “монтируемый” мир, мир, в котором нам надлежит учиться “сборке” своего внутреннего мира» [7, с. 202]. Медиа-пространство как пространство гиперболизации и актуализации частности, фрагмента, стало пространством наибольшей актуализации социальных дискурсов сегодня, становится ведущим механизмом не только их осуществления, но и их реализации. Поэтому современный дискурс в медиа-пространстве превращается в химеричную сущность,

превращается в абстрактное масштабирование дискурса. Придавая части “чрезмерное значение” дискурс воплощается в актуализации отдельных понятий образов жизни или их частей как универсально значимых. В данном случае, построение дискурса идет не от целого к части, а от части, возводимой в статус целого. В этом мы видим проблему действительности дискурса мультикультурализма. Когда актуализация фрагмента быта малого народа становится камнем преткновения для осуществления нормативных статусов. В этой связи подлинность предстает как момент, высвеченный в акте представления медиапространства. Описание современного мира становится затруднительным ведь каждому человеку присуще свое собственное видение мира.

Преломление дискурса в медиа приводит к удалению или приведению этих понятий образов ценностей в условиях гиперреальности. Переведение проблемы в сферу гиперреальности приводит к тому, что она лишается своей подлинной реальности, т.е. становится ложной проекцией вещей, симулякром. Другими словами, понятия, категории и другие позиции становятся симулякрами данного дискурса, актуализируются в медиапространстве переставая быть реальностью, дискурс становится дискурсом «ни-о-чём». Эта реальность может обосновываться по-разному: теологически, метафизически, экономически, медиа, средствами PR. Суть в том, что она не может быть выведена за рамки определенной химеры. Для того чтобы осуществляться именно в этом пространстве происходит зависание мышления «на одной-единственной волне орбите всеобщего знакового обмена»[6, с.19]. И этот знаковый обмен есть продукт этих рамок, продукт орбиты, в которой осуществляется дискурс. Благодаря этому проблема, которая была введена в медиапространство, перестает иметь антропологическую реальность, становится «химерической», т.е. вне-человеческой. Как деньги делают деньги, так и фрактальное проецирование дискурса в медиасреду, выведение в медиапространство его элементов есть перепредставление, реновация самого дискурса.

Данные утверждения подтверждаются исторически тем, как обстоят дела с миграцией и культурной, многокультурной политикой современной Западной Европы. В обстановке нарастания социальных и культурных противоречий в Европе закономерно возникает вопрос: не был ли мультикультурализм фикцией, не был ли он дискурсом не выходящим в реальность, а не был ли он местом разговора понятий и определений с самими собой. Именно из-за того, что дискурс

мультикультурализма это замкнутая система, которая сформировалась благодаря своей нарративной природе и не смогла выйти в реальность, сегодня можно говорить о провале мультикультурной политики и вообще культурной политике, миграционной политике современной западной Европы. Этот дискурс был слишком избыточен по отношению к действительности, а действительность как раз не подтвердила существование и возможности. Репрезентативность понятий оказалась неподлинностью симулякров, рассечением пустоты, ранжированием «бесформенного ничто».

В заключение можно сделать вывод, что подлинность, как соответствие обозначенным признакам стало подвижной структурой, оптической игрой социокультурных смыслов. Дискурсы трансформируют изначальные смыслы вещей, придавая значимость подлинности симулякрам, ложным проекциям вещей. И если дискурс мультикультурализма говорит о том, что мир основан на понятиях взаимодействия и взаимозависимости, то подлинность в рамках данного дискурса будет обеспечивать этическая обоснованность его

понятий и категорий. Но здесь нужно понимать, что дискурс мультикультурализма существует лишь в собственном универсуме и для себя. Исходя из своей же нормативной природы дискурс мультикультурализма возможен лишь в том обществе, в котором существуют те же понятия и категории. А соответственно, подлинность их становится подвижной.

Вопрос о том, что такое «подлинность», а что нет, как правило, решается исследователями по принципу бинарной оппозиции. «Подлинное», настоящее, истинное противостоит не-подлинному, поверхностному, ложному. Возможно, семиотика «двоичности» (secondness, по терминологии Ч.С. Пирса) недостаточна для процессов, для которых необходима позиция *hic et nunc*, «здесь» и «сейчас», медиация подлинного и неподлинного через культуру как Событие. Тем не менее, борьба подлинного и неподлинного, иллюзорного и действительного всегда остается базовой оппозицией при семиотическом анализе текстов культуры.

1. Августин Аврелий. Исповедь. СПб., Азбука, 1999. 393 С.
2. Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., Канон, 2011. 192 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос, 2003. 350 с.
4. Греческо-русский словарь / сост. А.Д. Вейсман. 5-е изд. СПб., Издание автора, 1899. 694 с. Репринт издания 1899. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 694 с.
5. Гюго В. Собор парижской богородицы. СПб., Азбука, 2012. 608 с.
6. Мальшев В.Б. Архитектоника воображаемого: фэнтези-проекция изначальных модальностей европейской культуры: монография. Самара, Изд-во СНЦ РАН, 2015. 187 с.: ил.
7. Мальшев В.Б. Трансформация как искусство метапозиции // Медиафилософия II. Границы дисциплины. СПб., С-Петербург. филос. о-во, 2009. 210 с.
8. Пирс Ч.С. Принципы философии. Т. 2. СПб., С-Петербург. филос. о-во, 2001. 320 с.
9. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое // Неприкосновенный запас, 2010, 1 (69): <http://www.zh-zal.ru/nz/2010/69/te3.html>
10. Макинтайр А. После добродетели. М., Акад. Проект: Деловая кн., 2000. 384с.
11. Хайдеггер М. Парменид. СПб., Владимир Даль, 2009. 383 с.
12. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., Гнозис, 1993. 464 с.

THE ISSUE OF AUTHENTICITY IN THE MULTICULTURAL DISCOURSE ARCHITECTONICS

© 2019 V.B. Malyshev, E.A. Tonkoshkurova

Vladislav B. Malyshev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy.

E-mail: vlmalys@yandex.ru

Ekaterina A. Tonkoshkurova, applicant. E-mail: rtn3@rambler.ru

Samara state technical University. Samara, Russia

The main purpose of this study is to understand what is the architectonics of the authenticity in the modern world, to understand not only at the level of social and philosophical representations, but also to reach the level of transcendental foundations of multicultural discourse. It is the European Imaginary in its primordial nature that, in our view, sheds light on the question of the authenticity of multicultural discourse.

Key words: architectonics of authentic, multicultural discourse, simulacra, semantics of authenticity.

1. Avgustin Avrelij. Ispoved` (Confession). SPb., Azbuka, 1999. 393 S.
2. Adorno T.V. Zhargon podlinnosti. O nemeczkoj ideologii (Jargon of authenticity. About the German ideology). M., Kanon, 2011. 192 s.
3. Benxabib S. Prityazaniya kul'tury`. Ravenstvo i raznoobrazie v global`nuyu e`ru (Claims of culture. Equality and diversity in the global era). M., Logos, 2003. 350 s.
4. Grechesko-russkij slovar` (Greek-Russian dictionary) / sost. A.D. Vejsman. 5-e izd. SPb., Izdanie avtora, 1899. 694 c. Reprint izdaniya 1899. M., Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 1991. 694 s.
5. Gyugo V. Sobor parizhskoj bogomateri (Notre Dame). SPb., Azbuka, 2012. 608 s.
6. Maly`shev V.B. Arxitektonika voobrazhaemogo: fe`ntezi-proekciya iznachal`ny`x modal`nostej evropejskoj kul'tury` (Architectonics of the imaginary: fantasy projection of the original modalities of European culture): monografiya. Samara, Izd-vo SNCz RAN, 2015. 187 s.: il.
7. Maly`shev V.B. Transformaciya kak iskusstvo metapozicii (Transformation as an art of metaposition). *Mediafilosofiya II. Granicy discipliny`*. SPb., S-Peterb. filos. o-vo, 2009. 210 s.
8. Pirs Ch.S. Principy` filosofii (Principles of philosophy). T. 2. SPb., S-Peterb. filos. o-vo, 2001. 320 s.
9. Tejlor Ch. Chto takoe social`noe voobrazhaemoe (What is social imaginary). *Neprikosnovennyj zapas*, 2010, 1 (69): <http://www.zh-zal.ru/nz/2010/69/te3.html>
10. Makintajr A. Posle dobrodeteli (After virtue). M., Akad. Proekt: Delovaya kn., 2000. 384s.
11. Xajdegger M. Parmenid (Parmenides). SPb., Vladimir Dal`, 2009. 383 s.
12. Xajdegger M. Raboty` i razmy`shleniya razny`x let (Works and reflections of different years). M., Gnozis, 1993. 464 s.